

Такие Адресные и справочные книги «Весь Петербург» начал в 1894 году издавать издательский концерн А. С. Суворина²². Как опытный издатель и предприниматель, Суворин предпослал основному адресному тексту мощный блок платных коммерческих объявлений, сделав свое детище

еще и весьма доходным. Вслед за блоком объявлений шла пространная статья о городе (так, в книгу на 1903 год была помещена статья со статистическими данными о столице на начало XX века). Затем следовал подробный алфавитный указатель проездов и учреждений, указатель адресов Дво-

ра, правительственных и городских учреждений и, наконец, алфавитный указатель жителей города. Заканчивался «Весь Петербург» поуличным схематическим перечнем домовладельцев и подробной картой города, учитывавшей ежегодные изменения городской среды.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1374. Оп. 1. Д. 13. Л. 2. 1798.

² Там же. Д. 394. Л. 259. 1798.

³ Там же. Оп. 6. Д. 508. 1799–1800.

⁴ Черейский А. А. Пушкин и его окружение. Л., 1980. С. 65.

⁵ РГИА. Ф. 461. Оп. 1. Д. 542, 7913. 1797.

⁶ Там же. Ф. 466. Оп. 1. Д. 194. Л. 136–140. 1790.

⁷ Там же. Ф. 1374. Оп. 4. Д. 71. 1801. Упомянутая книга вышла в 1805 г. в двух томах на немецком языке. Известен русский перевод И. Мещанинова («в извлечениях») с историческим очерком возникновения и дальнейшего роста столицы за различные царствования этого периода. Книга содержит гравюры и планы столицы и описание «достопамятных зданий, построенных и учрежденных в пользу подданных»).

⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 1, ч. 2. Д. 3919. Л. 91. 1802

⁹ Реймерс Г. Императорская академия художеств в Петербурге со времени своего возникновения до царствования императора Александра I в 1807 году. СПб., 1807.

¹⁰ Второе прибавление к «Санктпетербургским ведомостям», 1812, 19 апр. С. 516 (Сообщено А. Н. Лукояновым.)

¹¹ С. И. Аллер//Месяцеслов на 1862 год. СПб., 1861. Приложение. С. 111.

¹² РГИА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 23. Л. 288, 289.

¹³ См., напр.: Отеч. запски. 1849. Т. 67. Отд IV. С. 19.

¹⁴ Табель домов города Санкт-Петербурга с показанием новой и старой полицейской нумерации домов, вновь открытых улиц, переулков и набережных, с наименованием оных и переименованием некоторых из ныне существующих, с приложением плана города Санкт-Петербурга/СПб. городская управа. СПб., 1889.

¹⁵ Нумерация домов в Санктпетербурге с алфавитным списком проспектам, улицам, мостам, Невским пристаням, городским съездам, соборным приходским церквам, дворцам, монументам и владельцам домов. СПб., 1836.

¹⁶ Нистрем К. М. Книга адресов Санктпетербурга на 1837 год. СПб., 1837.

¹⁷ Нистрем К. М. Адрес-календарь Санктпетербургских жителей, составленный по официальным документам и сведениям. Т. 1. Указатель Санктпетербурга. СПб., 1844.

¹⁸ Атлас 13-ти частей столицы с алфавитным к нему указателем. СПб., 1848.

¹⁹ Макаров С. Генерал-майор Николай Иванович Цылов. Периодическое издание: Георгиевские кавалеры или Подвиги Кавалеров Ордена великомученика и победоносца Георгия с обозрением их службы и жизни. Вильна, 1864. Вып. 13 и 14.

²⁰ Векслер А. Ф. Генерал-майор Николай Иванович Цылов (1799–1879): Материалы к биографии // Топонимический журн. 2001, № 1–2. С. 91–94.

²¹ Городской указатель или Адресная книга на 1850 г. СПб., 1849.

²² «Весь Петербург». Адресная и справочная книга. СПб., 1894–1914; «Весь Петроград». Адресная и справочная книга. Пг., 1914–1917.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Т. М. СМИРНОВОЙ «НАЦИОНАЛЬНОСТЬ – ПИТЕРСКИЕ. НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В XX ВЕКЕ». СПб.; «Сударыня», 2002

А. М. Буровский

Есть много книг о представителях какой-то одной из множества питерских национальностей: о шведах¹, эстонцах или немцах². Есть даже исследование о крохотной колонии из голландского городка Фризинфейм³. Несомненно, эти исследования весомы и в своем роде полезны, но до сих пор не было исследования обо всех национальных меньшинствах Великого города. О национальных меньшинствах как таковых. Уже это выделяет книгу и заставляет заинтересоваться ею.

Книга (объемом 36,5 печатных листов, 582 страницы печатного текста) делится на семь глав. Первые две главы: «Национальные меньшинства и их место в политической системе российского общества в XX веке» и «Национальные меньшинства Петербурга и губернии и организация их культурной жизни». Пять следующих глав посвящены отдельным аспектам жизни национальных меньшинств. Глава 3 – «Просвещение национальных меньшинств». Глава 4 – «Национальные меньшинства». Глава 5

«Клубы национальных меньшинств Петрограда – Ленинграда и губернии – области». Глава 6 – «Национальная печать». Глава 7 – «Национальные театры».

Поражает масштаб проделанной автором работы. Изучены и сведены воедино источники по истории многих десятков народов, причем значительная часть материала вводится в научный оборот впервые. Книгу Т. М. Смирновой легко можно использовать как отличный справочник. Если бы Та-

мара Михайловна ограничилась только сбором и систематизацией этого материала, уже такую работу следовало бы оценить чрезвычайно высоко. К счастью, Т. М. Смирнова пошла дальше – она еще проанализировала свой материал и сделала на его основе весьма интересные и важные выводы.

Хронологически работа охватывает XX век, время бытия двух политических структур, а фактически двух цивилизаций: ориентированной на Европу, бывшей частью мирового сообщества Российской империи и СССР, который, если использовать образное выражение Петра I, «вернулся к Европе задом». Но бытие национальных меньшинств в Российской империи анализируется очень кратко. Ситуация 1950–1980-х годов – еще более коротко. Довольно много написано о жизни национальных меньшинств на излете советской власти, в эпоху «перестройки», и в Российской Федерации. Но самый большой пласт информации посвящен политике советской власти в ранний период ее истории и жизни национальных меньшинств с 1917 по 1937 год.

На это есть серьезная причина: именно в этот период, в короткие двадцать лет, организации национальных меньшинств были наиболее активны. Они были нужны властям, служили целям, которые декларировало государство, и государство поддерживало их. Это было своеобразное время, когда социалистическая демагогия тесно соседствовала с «антиимперской». Время негласных лозунгов: «Все против России!» и: «Все против русских!». В 1924 и в 1934 годах можно было попасть на Соловки за портрет Суворова на стене собственной квартиры: «Великодержавный шовинизм!». Но попасть на Соловки можно было и за самый невинный «еврейский» анекдот – антисемитизм считался таким же государственным преступлением, как и «великорусский шовинизм».

«Гениальность Ленина в том, что он... наряду с маленькой армией русских рабочих бросил в революционные битвы неисчислимое множество народов, жаждущих освобождения», – полагала известный исследователь Л. Алексеева⁴.

Пока действовала инерция первых месяцев Октябрьского пе-

реворота, объединения национальных меньшинств если и не входили в систему власти, то активно помогали ей.

Все коренным образом изменилось с середины 1930-х. «Уже в 1935 г. был закрыт Украинский дом просвещения. В 1936-м – Белорусский, Венгерский и Литовский. В октябре 1937 г. горком ВКП(б) принял решение о ликвидации остальных ДПР – Немецкого, Латвийского, Польского, Финского, Эстонского, Еврейского, Татарского и народов Востока. Постепенно сокращалось число периодических изданий на национальных языках»⁵.

20 декабря 1937 года рассмотрен проект постановления обкома и горкома ВКП(б) «О национальных школах и других культурно-просветительных учреждениях», согласно которому все национальные школы переходили на русский язык, а издания на национальных языках закрывались, и их редакторский состав предполагалось «проверить и укрепить». Текст этого жуткого документа с подписями А. Жданова, А. Кузнецова, В. Цветкова, А. Угарова полностью приведен в книге Тамары Михайловны на с. 106–107.

3 мая 1938 года бюро обкома ВКП(б) приняло постановление «О реорганизации искусственно созданных национальных районов и сельских советов Ленинградской области». «Полная ликвидация национальных сельсоветов как особых административных единиц в стране была произведена по указам Верховного Совета РСФСР от 22 февраля и 9 сентября 1939 года»⁶.

«Ликвидация системы культурной жизни и административно-территориального устройства национальных меньшинств Ленинграда и области в конце 30-х гг. не была вызвана настоящей необходимостью, а явилась практическим осуществлением новой, по существу великодержавной политики, проводимой государством на основе решений ВКП(б) 1935–1937 гг»⁷. Что называется, коротко и ясно.

Между 1938 и 1991 годами национальные меньшинства, разумеется, из Петербурга никуда не исчезли. Если в конце XIX века 83% населения Петербурга были русские, то в 1989 году русские составляли 89% населения Ленинграда. Получается – нерусское население

Петербурга и в тот период времени исчислялось сотнями тысяч человек. Но «в 1940–1980-е годы, на протяжении 50 лет, в Ленинграде и области не существовало каких-либо административных структур, ведающих проблемами национальных меньшинств, в том числе их культурной жизнью»⁸. То есть этих народов словно не существовало.

В действительности нерусского населения в Петербурге и в тот период наверняка было еще больше за счет действия по крайней мере трех факторов:

1. Многие люди скрывали нерусское происхождение. Немецкая или еврейская кровь могли реально повредить карьере в армии и в системе МВД, на партийно-хозяйственной работе, порой даже в академической карьере. Мне лично известно несколько случаев, когда поволжские немцы «выправляли» документы о своем «чисто русском» происхождении.

2. Люди смешанного происхождения, как правило, считают себя представителями «титულიной» национальности. Иногда в этом тоже присутствует желание скрыть «нежелательное» происхождение (в советское время практически все дети в русско-еврейских браках в 16 лет показывали себя русскими). А есть в этом и глубоко естественный процесс – люди в таких семьях говорят, пишут, читают и думают именно по-русски.

Сегодня нерусское население Петербурга официально составляет 20% всего населения, то есть около миллиона человек. Но, полагаю, сейчас в Петербурге живет в 5–6 раз больше немцев, поляков и евреев, чем по официальным данным, – если подсчитать всех лиц смешанного происхождения.

3. Многие этнические русские в силу культурной и конфессиональной принадлежности не ощущают себя русскими. Молокане в Канаде указывают себе не русскими, а именно «молоканами». Десятилетия гонений в Российской империи и в СССР сформировали такой тип национальной идентификации. В начале 1990-х некоторые русские католики выехали в Польшу, но ведь явно же далеко не все.

Сейчас Петербург переживает период, в чем-то напоминающий то двадцатилетие между 1917 и 1937

годами. С потерями – многие народы, особенно имевшие государственность за пределами СССР (поляки, немцы, эстонцы, финны, латыши), понесли такие потери в годы репрессий, что не оправались от них и не восстановили своей численности и своего влияния в Петербурге. Но есть и приобретения – не проводится никакой русофобской политики, нет репрессий по социальному признаку, не ведется «борьба с религиозным дурманом». Ситуация 1991–2003 годов здоровее ситуации 1920–1930-х годов.

Судя по всему, Тамара Михайловна прекрасно понимала, какой «бомбой» может стать ее книга в недобросовестных руках, и очень смягчала многие моменты. Все ее оценки всегда объективны и «политически корректны», ее текст крайне трудно использовать для раздувания межнациональной вражды и для любой политической конъюнктуры.

Но по крайней мере два «политических» вывода из ее текста просто напрашиваются:

1. Политика советской власти в разные периоды была очень различной. Не имеет особого смысла говорить о «политике советской власти вообще». В разные периоды политические установки властей могли кардинально меняться. Если мы хотим получить не плакат и не грубую схему, нам необходимо всякий раз уточнять – о политике советской власти какого именно периода идет речь.

2. Текст Т. М. Смирновой убедительно доказывает – в истории все очень неоднозначно. В политических целях можно свести все к черно-белой схеме. Но опять же, если мы хотим приблизиться к пониманию «того, как это было»⁹, нам следует помнить классическое: «все сложнее».

Эта сложность нравится не всем. В стремлении «заклеймить» и свести счеты люди забывают о сложности исторической палитры. Но вот факты: национальная катастрофа 1917 года одним из своих следствий имела небывалый расцвет культур национальных меньшинств.

«Вычищение» из библиотек русских народных сказок, запрет былин, запрет православной обрядности, празднования Нового года, отказ от преподавания истории – глупость нагромождалась на

глупость и глупостью погоняла. Официальная русофобия первого двадцатилетия советской власти, истребление целых сословий, ссылки и расстрелы «патриотов, монархистов и офицеров» – ужасы можно нагромождать в невероятном количестве. Но одновременно и во многом благодаря этим ужасам расцветали десятки культур других народов. А ведь эти культуры – тоже народное достояние! Также часть истории страны, ее духовного богатства.

Как же здесь все неоднозначно...

Не уверен, что Тамара Михайловна сознательно хотела все это показать – но ведь показала, вот что главное.

Книга отвечает на интересующий многих вопрос – что же такое вообще «национальное меньшинство»? В советское время слово «нацмен» казалось оскорбительной кличкой, чем-то вроде «армяшки» или «жида». Т. М. Смирнова показывает, что национальные меньшинства – это нормальный и естественный компонент всего российского (и любого иного) общества.

Национальные меньшинства – это «этносоциальные общности в пределах ограниченного ареала расселения, значительно уступающие по численности основной интонациональной массе населения, сохраняющие свое этническое самосознание и отличающиеся национально-самобытными чертами культуры, но имеющие весьма ограниченные возможности влиять на этнокультурную ситуацию в регионе. Таким образом... это не просто меньший по численности народ... Это народ или его часть, которые вынуждены воспринимать язык и другие культурные ценности и нормы большинства населения, среди которых они живут; в то же время большинство населения не имеет социальной потребности усваивать культуру меньшинства»¹⁰.

В сущности под это определение могут подойти представители любого народа, в том числе и русского: в Германии и Франции мы оказываемся в положении национального меньшинства. И до какой степени мы уже во втором – третьем поколении перенимаем культуру национального большинства, показывают хотя бы записки Марины Влади: она встретила с Вла-

димиром Высоцким фактически как иностранка, французенка русского происхождения¹¹. Тогда как французы, естественно, не имели ни малейшей потребности усваивать культуру русских эмигрантов.

Достаточно принять это определение, и разделение меньшинств на автохтонные и диаспоры, какие-то иные градации потеряют принципиальный смысл. Главное – в любой стране, на любой территории, в любом городе есть свои меньшинства. Они составляют неотъемлемую и естественную часть населения этой страны или города.

«Петербург – не только создание гения и таланта тысяч людей разных культур, он сам – творец особой петербургской, ленинградской культуры, синонима меры, ясности, красоты, воспитанности, стойкости, корректной толерантности, сердечной рациональности и просвещенной духовности... Именно в Петербурге формировалась подлинная элита многонациональной России»¹².

«Петербургская культура в целом не может быть определена в рамках национальной идентификации – она полифонична, она органично и гармонично сочетает элементы разных традиций, менталитетов, даже языков. Конечно, каждый продолжает «верить в своего бога», но это не мешает представителям любой национальности – а их в нашем городе зафиксировано по последней переписи около 130 – одновременно быть представителями особой общности – петербуржцев»¹³.

К сказанному имеет смысл добавить, что многонационален вообще всякий крупный город; что культурные, религиозные, языковые контрасты необходимы для развития города не меньше, чем контрасты природные. Все города Северо-Запада Руси, предшественники Петербурга, были многонациональны. И варяжско-русско-финская Ладога, и варяжско-немецко-чудско-русско-балтский Новгород, и непосредственный предшественник Питера шведско-немецко-русско-финский Ниеншанц*. Так что национальную полифонию

* Вероятно, имеется в виду город Ниен, расположенный в устье реки Охты, на противоположной стороне которой находилась шведская крепость Ниеншанц. Часто город Ниен именовался по названию крепости – Ниеншанцем. – Ред.

Питера следует считать не карой небес и даже не «неизбежным злом», а великим преимуществом, ценнейшим свойством города и продолжением традиций русского Северо-Запада.

Тамара Михайловна очень смело назвала свою книгу, но в ней не указывается статус той общности, которая вырабатывается в Петербурге. «У нас у всех общая «национальность» – питерские!»¹⁴. Здесь слово «национальность» взята в кавычки, но высказывается вполне обоснованное мнение о том, что «питерцы» уже стали субэтносом русского народа. А какова перспектива субэтнота? Превращение уже в «полноценный» этнос. Упрет ли питерское варево в этнос – само по себе или вместе со всем Северо-Западом – судить не берусь. И считаю своим долгом напомнить, что в этом процессе при любых обстоятельствах есть не только светлые стороны¹⁵.

Книга Т. М. Смирновой – это очень полезная книга: как для познания, так и с точки зрения нравственности. Этот труд утверждает такие ценности, как толерантность, корректность и доброжелательность. Согласно мнению Тамары Михайловны, разные народы могут и должны быть добры друг к другу, интересоваться друг другом, причем это оказывается выигрышным как для бытия самих людей,

так и для процессов культурного творчества и накопления знаний. Знание оборачивается добром, добро порождает новое знание.

В книге Т. М. Смирновой не упоминается рост межнациональной напряженности в современном мире (в том числе и в Петербурге). А ведь эта напряженность существует – как напряженность между различными национальностями меньшинствами (евреями и немцами, например), так и между различными меньшинствами и русскими. Диаспоры очень часто оказываются «виноватыми» в том, что «коренным» и «гүтэйшим» досталось меньше материальных ценностей. Русские в Эстонии в 1988–1990 годах тоже оказались врагами, которые выпили весь «кёнке кюкк» и съели все мясо в магазинах. Это весьма поучительно, потому что и в Петербурге ведь «лица кавказской национальности» рискуют услышать классическое «понаехали тут, житья не стало». Книга Тамары Михайловны не только дает информацию, она воспитывает.

На мой взгляд, эту книгу следует сделать настольной книгой не только для питерских интеллектуалов, но и для чиновников, предпринимателей, политических деятелей. Для всех, от кого зависит принятие конкретных политических решений. А то ведь и впрямь

«важным, но практически неосвоенным участком работы является изучение Петербурга как многонационального и поликультурного города в школах и других учебных заведениях города. Учебники по петербурговедению не освещают этот аспект истории и современности»¹⁶. А ведь без учета этого аспекта и не понять ничего в истории города, и нравственный, культурный, политический потенциал идеи остается невостребованным.

Отмечу еще великолепный, очень живой язык книги. Если это связано с полом ее автора – нам всем надо порадоваться, что книгу написала дама. Вслушайтесь в звукопись, во взволнованное, эмоциональное звучание текста: «Мы разные, но мы – петербуржцы. Мы – петербуржцы, но мы – разные. Это разнообразие и эта общность – судьба Петербурга, источник его развития, залог его притягательности, гарантия его процветания. Об этом нужно знать, этим можно гордиться»¹⁷.

В конце рецензии полагается хотя бы немного критиковать книгу.. Некоторые замечания я высказал уже в тексте, но связаны они в основном с невозможностью объять необъятное (Тамара Михайловна и так попыталась это сделать). Но главное замечание – в другом. Книга издавалась всего один раз, год назад, и тиражом всего в 1 тысячу экземпляров. Это очень плохо!

¹ Шведы на берегах Невы. Стокгольм, 1998.

² Ненаписанные мемуары. Таллинн, 1990.

³ Мейусе К. Русские голландцы. Начало и конец фризенфейнской колонии в Санкт-Петербурге. 1720–1920. СПб., 1998.

⁴ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вермонт, 1984. С. 137.

⁵ Смирнова Т. М. Национальность – питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. СПб., 2002. С. 103.

⁶ Там же. С. 108.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Ranke L. Deutsche geschichte im Zeitalter der Reformation. Band 6. Berlin, 1847. S. 6.

¹⁰ Смирнова Т. М. Указ. соч. С. 12.

¹¹ Влади М. Владимир, или Прерванный полет. М., 1988.

¹² Смирнова Т. М. Указ. соч. С. 3.

¹³ Там же. С. 4.

¹⁴ Там же. С. 10.

¹⁵ Буровский А. М. Петербург как географический феномен. СПб., 2003. С. 265–268.

¹⁶ Смирнова Т. М. Указ. соч. С. 562.

¹⁷ Там же. С. 10.